

СЕКРЕТНОЕ ОРУЖИЕ РУССКОГО НАРОДА

Текст Игорь Шумейко, Бахтиёр Абдуллаев

Фото личный архив Натальи Нарочницкой

В рабочем кабинете Натальи Алексеевны чувствовались одновременно и уютная основательность, и скоротечность времени. Цветы, изящный художественный беспорядок, книги, иконы, фотографии и тонкий запах хорошего кофе свидетельствовали о том, что здесь любимое рабочее место женщины. Легенда отечественной политики – Евгений Максимович Примаков, подписывая подарок, нарисовал её почти исчерпывающий портрет: «Очаровательной и очень умной Нарочницкой».

– Вас не застать в России. Вы, как перелётная птица, всё время находитесь в движении...

– Многие думают, что я живу во Франции. Нет, живу я и работаю в Москве, у меня здесь Фонд исторической перспективы с множеством сотрудников, реализующий большое количество различных программ. Есть и особые семейные обстоятельства – мама, прикованная к постели. Но с тех пор, как в 2008 году я возглавила в Париже Институт демократии и сотрудничества, нахожусь постоянно в движении: треть месяца провожу в Париже, летаю иногда и по два раза в месяц. Это необходимо – мы проводим регулярные «круглые столы». Поверьте, жить так очень непросто. Летать приходится неудобными рейсами, чтобы не тратить рабочие часы и максимально сократить своё отсутствие. Обратный рейс в Москву прибывает в два часа ночи. Домой добираюсь к трём.

Содержательная работа парижского института на 60 процентов готовится в России Фондом исторической перспективы и привлекаемыми экспертами из других исследовательских организаций. Здесь часто рождаются идеи, разрабатываются темы, которые в Париже реализуются в дискуссиях. И такой подход себя оправдывает: институт всего за полтора года работы уже назван телеканалом «France-24» одним из влиятельных «think tanks» («мозговых центров»), наряду с Лондонским королевским институтом международных отношений, Французским институтом международных отношений и Фондом Карнеги!

– Историю пишут, а потом переписывают в угоду политическим и прочим интересам. Куда могут завести такие попытки?

– Подлинный учёный оперирует не домыслами, а документами, но исторический процесс не математика. Факты и явления всегда будут интерпретироваться по-разному, порой с противоположной оценкой. Всё зависит от мировоззренческой рамы, которая доминирует в данный момент в обществе и у самого исследователя. Например, борьба против монархии, с точки зрения либеральной и коммунистической философии, является прогрессивным явлением, и всё, совершаемое для этой цели, оправдывается и героизируется. Но с точки зрения консервативной христианской философии такая борьба вовсе никакой не прогресс – совершенное общество невозможно, ибо человек грешен, попытка совершенствовать общественное устройство не имеет самоценности без нравственного очищения человека. Убеждаешься в правоте Аристотеля, который говорил,

что и монархия, и аристократия, и демократия как системы организации общества имеют свои грехи и только в сочетании всех трёх форм, каждая из которых дополняет то, что не могут дать другие, можно минимизировать недостатки социального бытия.

Мы были свидетелями двух случаев переписывания нашей истории. Большевики с Институтом красной профессуры переписали всё – цари изображались шутами гороховыми или омерзительными тиранами. Помните лозунг Всеволода Мейерхольда: «Эстетический расстрел прошлого». История анализировалась в русле классовой парадигмы: Александр Невский объявлялся классовым врагом, Наполеон – освободителем, так как нёс более прогрессивное общественное устройство, Чайковский – нытиком, Чехов – хлюпиком. Потом произошла коррекция, поняли, что мировой

Досье МР:

Наталья Алексеевна Нарочницкая – российский политический деятель, историк и политолог. Дочь выдающегося историка, академика Алексея Леонтьевича Нарочницкого. С отличием окончила МГИМО. Специалист по США и Германии, а также по общим проблемам международных отношений и религиозно-философским аспектам мировой истории. Доктор исторических наук. Ведущий научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений Российской академии наук. Автор нескольких монографий, в том числе фундаментальных трудов «Россия и русские в мировой истории» (2005 г.), «Великие войны XX столетия» (2007 г.).

В 1982–1989 годах работала в Секретариате ООН в Нью-Йорке.

В 1990-х – активный деятель Конституционно-демократической партии – Партии народной свободы, Всероссийского национального правого центра. Сопредседатель I и II Всемирных Русских Соборов, соавтор его основных документов, в том числе «Акта о единстве русского народа».

В 2003–2007 годах – депутат Государственной думы Федерального Собрания РФ от блока «Родина», член фракции «Справедливая Россия» – «Родина», заместитель председателя комитета Госдумы по международным делам, председатель комиссии Госдумы по изучению практики обеспечения прав человека и основных свобод в иностранных государствах. В 2008 году возглавила Институт демократии и сотрудничества в Париже. Владеет английским, немецким, французским и испанским языками.

революции не будет, а будет обычная война. Срочно стали восстанавливать опорные пункты национальной истории, потому что с классовым интернационализмом войну не выиграть. Так была частично реабилитирована русская история.

Но в 90-е годы возродилась большевистская ненависть к историческому государству российскому, извлекли на свет тезис Ленина и Троцкого о тюрьме народов, что и привело к трагедии – разрушению единого государства. Началось второе переписывание истории «большевиками» от либерализма, которые утверждали и утверждают, что у плохого по определению государства не могло быть ничего правильного и праведного. В этот период история вновь стала инструментом политики, а результатом её – хаос, распад общенационального сознания, когда общество не могло найти согласия ни по одному вопросу прошлого, настоящего и будущего. Именно в этот момент мы понесли самые большие утраты и во внешней политике, и в геополитическом положении, потому что тогдашняя «элита» была не способна понять, что судоходные реки и незамерзающие порты одинаково нужны как для монархии XVIII века, так и для демократии XXI века.

– Коль мы затронули эту тему, уместно вспомнить о работе и перспективах Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России.

– Комиссия – это не директивный орган, она не имеет полномочий кому-то и что-то указывать или запрещать

На наших глазах на Западе идёт масштабная смена интерпретации самого смысла Второй мировой войны.

книги недобросовестных авторов. Комиссию возглавляет руководитель Администрации Президента России Сергей Евгеньевич Нарышкин, а коллектив сборный – представители ведомств, хранящих архивы, и организаций, занимающихся образованием и работающих с информационным полем, а также историки. То есть работа заключается в инвентаризации тем, вызывающих мифы и домыслы, а госструктуры скорее готовят справочную информацию о состоянии дел, а не издают какие-либо «директивы». Словом, Комиссия – совещательный орган, необходимый для координации усилий, механизм мобилизации научных, академических и информационных ресурсов для того, чтобы стимулировать серьёзные исследования как раз по тем вопросам, которые вызывают болезненный интерес в обществе и вокруг которых роится огромное количество мифов, извращений, домыслов и даже бредовых концепций.

История сегодня как никогда стала инструментом политики в целом ряде стран, которые, создавая посредством извращённого представления

о прошлом отвратительный образ России, настраивают общество против развития добрососедских отношений и сотрудничества с нашей страной. И это действительно порой наносит ущерб нашим внешнеполитическим интересам, не даёт возможности создавать благоприятный общественный фон для внешнеполитических инициатив, прежде всего на Украине, в Грузии, Прибалтике, Польше. Речь идёт о своевременном стимулировании научных исследований, открытии архивов, публикации документов и популяризации достоверных фактов в противовес мифам. Но публиковать мало, необходимо устраивать больше презентаций, конференций, привлекать западных учёных. Опыт работы с академическим сообществом во Франции привёл меня к выводу, что в этом сообществе, к счастью, этика гораздо выше, чем в тамошнем журналистском.

Учёные всё же верят документам, удостоверившись в их подлинности. В академических дискуссиях автора могут упрекнуть в том, что он несколько односторонне исследует тему, но не будут отрицать очевидное. Поэтому

...второй фронт союзники открыли, чтобы поучаствовать в разделе победного пирога, когда СССР уже перешёл границы своего государства.

чем больше мы привлекаем западных учёных к обсуждению данных вопросов, тем эффективнее работа по развенчиванию мифов.

На наших глазах на Западе идёт масштабная смена интерпретации самого смысла Второй мировой войны. Я изучала соответствующие документы и убедилась, что даже в разгар холодной войны темы сегодняшних фальсификаций не вызывали на Западе ни в прессе, ни среди учёных никаких трактовок. Учёные и политики прекрасно знали, как всё было на самом деле, и никто не пытался отождествлять коммунизм и гитлеровский нацизм. В политологии они считались антиподами. Всё начало меняться с 70-х годов. Запад устал от комплекса неполноценности, прекрасно зная, что без жертвенной борьбы нашего народа и положенных на алтарь лишений не было бы победы над гитлеровской Германией. Ведь второй фронт союзники открыли, чтобы поучаствовать в разделе победного пирога, когда СССР уже перешёл границы своего государства.

– Видимо, чтобы ликвидировать комплекс неполноценности, Западу нужна была новая концепция?

– Новая трактовка послужила более всего американско-британской стратегии давления на СССР и посткоммунистическую Россию в конце XX века. Концепция о двух тоталитарных монстрах, воевавших за мировое господство, призвана избавить Запад от вины за нацизм, развенчать нас как главного победителя, но без реабилитации самого нацизма, и, значит, оправдать расширение НАТО, бомбёжки суверенной Югославии и всё, что они сделали

на рубеже нового тысячелетия. Новая концепция начала коватьсь всё в той же Германии немецким историком Эрнстом Нольте. Появившись в 70-е годы, книги Нольте вызвали сначала массу дискуссий на самом Западе. Он впервые предложил уравнивать все тоталитарные режимы. Но гитлеровская доктрина природной неравномерности людей и наций была вообще отступлением от христианского видения мира, в котором люди этически равны перед Богом. Нольте голословно утверждал, что фашизм возник лишь как ответ на коммунизм, хотя фашистские (но не нацистские) явления возникли в начале 20-х годов после разрушения традиционных обществ Первой мировой войной почти во всех странах Европы.

Однако вряд ли Запад посмел бы глумиться над нашей Победой, если бы этого не начали делать российские либералы. Они отдали наше Отечество на поругание всему миру, совершив грех библейского Хама. Надо было перевернуть страницу истории, многое пересмотреть, но не глумиться над жизнью отцов.

Беда исторической науки и в том, что в 90-е годы идеологическая борьба в обществе очень повлияла на исторические исследования. Кроме того, наша наука, практически не финансируемая на протяжении последних двадцати лет, оказалась в зависимости от грантов тех самых стран, которые поощряют однобокое освещение в свою пользу. Сейчас нам пора отрезветь и больше доверять документам, чем конъюнктурным трактовкам.

Мифологизированная история, «жёлтая» публицистика и литература, «сенсации», не подкреплённые документами, тем не менее разожгли интерес к подлинной истории, и поэтому сегодня работы на острые темы пользуются огромной популярностью. Ведь еще недавно казалось, что гуманитарная сфера никому уже не нужна – везде проник вездесущий «маркетинг», но жизнь доказывает другое: сборник Фонда исторической перспективы «Партитура Второй мировой войны» (статьи разных авторов о предвоенной политике с приложением новых архивных документов), кстати, подготовленный при взаимодействии с Комиссией, стал бестселлером. Он оказался очень востребованным не только в России, поэтому мы его сейчас переводим на английский язык. Готовим и второй сборник «Партитуры», на сей раз о войне в Азии, в котором ставим вопрос: почему началом Второй мировой войны считается нападение Гитлера на Польшу? Только потому, что Бри-

тания объявила после этого Германии войну? Или концом Второй мировой войны считается капитуляция Японии. Значит, война в Азии – часть Второй мировой, но началась-то она в 1937 году! Китай к 1939 году уже потерял 15 миллионов человек, которых вырезали японцы. Западу выгодно оставить в тени то, чему сам попустительствовал. Вспомним Мюнхенский сговор, после чего Гитлер при соучастии Венгрии и Польши растерзал Чехословакию, захват Италией Албании, применение отравляющих веществ в Абиссинии.

СМИ не только у нас в государстве живут абсолютно своей жизнью. Общественное мнение в целом намного разнообразнее, сложнее...

Замалчивание этих вещей – главный козырь наших оппонентов, который даёт им возможность обвинять нас в том, что Гитлер и Сталин пытались поделить мир, и война на самом деле была битвой двух тоталитарных монстров.

Для них ненавистно советское великодержавие, которое они намеренно увязывают со сталинскими репрессиями, но всегда при этом щадят Ленина и Троцкого! Однако наша страна не была великой державой ни в 20-е, ни в 30-е годы. Такой она стала после Ялты. Ялта и Потсдам сделали нас великой державой, без которой не решался ни один крупный вопрос мировой политики...

– Получается, мы бьёмся за правду истории в гордом одиночестве?

– Не совсем так, конечно. У меня есть опыт по организации обсуждений в Европе, в частности, презента-

ции моей книги «Что осталось от нашей победы?» («Que reste-t-il de notre victoire?») во Французском институте международных отношений (IFRI). Его директор Тьерри де Монбриаль – крупнейшая фигура в политологии Европы, близкая к правительству Франции. Известный на всю Европу журналист и политолог Жорж Нива был модератором. Да, они не преминули высказаться, что я концентрирую внимание на одном аспекте, и состоялось оживлённое обсуждение, но никто моих тезисов не опровергал и даже не пытался это сделать.

СМИ не только у нас в государстве живут абсолютно своей жизнью. Общественное мнение в целом намного разнообразнее, сложнее, более готово воспринимать и позитивную информацию, о чём можно судить при чтении газеты «Фигаро» и других. У них своя редакционная политика. Эта пресса давно захвачена воинствующими либеральными кругами, которые не только не любят российскую историю, но и перестали ценить собственную великую культуру, основанную на христианском духе. И хотя мы не одиноки в стремлении объективного освещения истории, есть много нюансов, о которых нужно говорить отдельно.

– Ваш отец – видный советский историк. Его жизнь, труды являются для Вас моральным ориентиром или это прямая практическая помощь в работе?

– Отец, родившийся и начавший своё образование ещё до революции, всегда был для меня воплощением преемственности русской культуры в советской истории. Он умер в 1989-м году, но память о нём – это и помощь, и моральный ориентир. Такое святое отношение к научному долгу и вообще к профессии, как у него, теперь уже редко встречается. Это человек, у которого вся жизнь и быт были организованы вокруг письменного стола. От него ещё в детстве я усвоила, что нельзя лечь спать, если не выполнено задание, что долг и честь дороже золота и успеха. Его пример, конечно, сам по себе зажигателен. А его старания, чтобы дочка «кисейной барышней» не выросла! Помню, мне пять лет, и на даче я жутко боюсь темноты в саду, ибо там под кустами Кощей Бессмертной и Баба-Яга... Он же заставляет меня одну идти умываться перед сном, к умывальнику с гвоздиком на дальнем дереве! Помню наши с ним дальние походы в лес, пить не давал – только на привале, и ножки на дерево, чтобы

НАТАЛЬЯ НАРОЧНИЦКАЯ

отдохнули! Дрова с ним двуручной пилой в 12 лет пилила. Это память на всю жизнь. Отец не любил пайнек и не хотел, чтобы я была такой, однако, что парадоксально в нём сочеталось, обожал, когда женщина хорошо одета, элегантно, модно, чтобы походка была грациозной с прямой спиной и обязательно на каблукках – в общем, в его понимании женщина и швец, и жнец, и на дуде игрец!

Папа, 1907 года рождения, начинал учиться ещё в гимназии. У нас большая разница между поколениями – там, где помещается обычно четыре, у нас было три. Поздно женился, стал близким родственником «врага народа» в 1937 году, когда сгинул в лагере его брат... Потом война. Из-за того, что он был братом «врага народа», ему приходилось после войны переходить из одного вуза в другой, постоянно менять место работы. Он скоропостижно скончался в 1989 году, пережив Ленина, Сталина, Хрущёва, Брежнева, смену идеологических ориентиров. Считал самым страшным ленинское время, когда вообще не было судов, а людей просто хватили «тройки» и расстреливали. К тому же то было время тотального глумления над всем русским и православным. Запрещались даже русские народные сказки! Будучи молодым, ещё не остепенённым, папа, несмотря на то, что он – брат «врага народа», был приглашён в исследовательский коллектив, создававший эпохальный труд «История дипломатии». Он был талантлив во всём, что делал. Знал семь языков, на трёх из них мог вести дискуссии. Это очень

помогало в работе. К примеру, он стал главным специалистом по дипломатическим документам начала XIX века, а тогда языком дипломатии являлся французский.

Отец получил Сталинскую премию за «Историю дипломатии». У нас ещё осталась дома удивительный «документ эпохи». Когда папа женился, он жил в проходной комнате коммунальной квартиры. В документе написано: «Разрешить лауреату Сталинской премии постройку перегородки в связи с женитьбой». Отец всего добился своим трудом, огромным талантом, редкой энциклопедической образованностью. Не скрою, он на меня оказал огромное влияние. Да и на мою сестру,

которая возглавляет очень серьёзный отдел в крупнейшем академическом институте и делает ещё несколько очень масштабных информационно-аналитических проектов.

– **Вы учёный, историк, общественный деятель. Но в первую очередь Вы женщина – хозяйка дома, хранительница семейного очага. Находите время на себя?**

– Я сейчас уже в меньшей степени хозяйка, но никогда не была ни синим чулком, ни «библиотечной крысой». Я женщина во всем – люблю красивую одежду, красивый дом, обожаю принимать гостей, общаться, устраивать застолья. Всегда любила готовить, всю жизнь сама подшивала юбки, вставляла молнии в брюки, шила шторы. Любимое блюдо, пожалуй, пирог с капустой, обязательно пеку куличи на Пасху. Хобби – развожу огромное количество домашних растений, а ещё постоянно сажаю цветы и кусты на даче! Сын уже взрослый, ему 31 год, живёт отдельно. Пошёл по моим стопам, окончив МГИМО, работает в Министерстве иностранных дел. Мама моя – героиня-партизанка Великой Отечественной войны. Имеет награды. Прошла немецкий концлагерь, бежала из него. О партизанском отряде, в котором воевала моя мама, в 60-е годы вышла книжка.

– **Отец дал Вам спартанское и одновременно «светское» воспитание, а разбираться в людях научил? Какие качества Вы цените в окружающих? У Вас есть настоящие друзья, с которыми можно в огонь и в воду?**

– Я, увы, до сих пор доверчива. Ценю выше всего благородство и честь, доброту, способность прощать и любить. Это главное, что должно быть у человека. У меня есть друзья с институтской скамьи, с которыми я не расстаюсь. Это очень близкие мне люди. Они не бросали меня и в период неудач и опалы, поддерживали в самых трудных ситуациях. Есть новые друзья последних двух десятилетий – великое обретение, с одними встретились в Сербии, с другими в Москве... Помню до слёз, как мне под дверь ставили тарелку с едой, когда я добиралась домой к одиннадцати, а дома пусто. А другие вместе с моей сестрой, видя, как я уже десять лет подряд без отпуска и совсем придавлена всякими обязанностями, тайно забронировали отдых на неделю и билеты купили, поставив меня перед фактом. Сначала я возмущалась, а потом была им так благодарна! Но, главное, конечно, наша духовная близость.

Справка MP:

Алексей Леонтьевич Нарочницкий – советский историк, академик АН СССР (1972 г.), специалист по внешней политике России первой трети XIX века, автор фундаментальных трудов по международным отношениям, руководитель издания дипломатических документов внешней политики России XIX века. Лауреат Сталинской премии I степени (1942 г.). Его книга «Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке, 1860–1895» (1956 г.), заложила новые направления изысканий для историков в мировой политике. В 1950-х годах подготовил закрытую записку, обосновывающую документально неоспоримые права России на Курильские острова. С его активным участием был проведён скрупулёзный разбор и точное толкование текстов Нерчинского (1689 г.), Кяхтинского (1727 г.), Айгуньского (1858 г.), Тяньцзиньского (1858 г.), Пекинского (1860 г.), Ливадийского (1879 г.) и Петербургского (1881 г.) договоров России

с Китаем. Опубликовал фундаментальные труды по международным отношениям в период Французской революции и середины XIX века. Иностраный член Сербской академии наук и искусств. Ответственный редактор академического издания дипломатических документов России. При жизни вышло 14 томов.

– **Вы хорошо знаете нашу страну. Часто бываете за границей. Есть ли у Вас любимые уголки у нас и за рубежом, места, в которые тянет приехать ещё раз?**

– Да разве можно хорошо знать нашу бездонную и многогранную Россию! А везде, где бываешь, оставляешь кусочек сердца – всюду свои достоинства. И почему только мы больше заимствуем не достоинства, а чужие грехи! Особой привязанности к месту нет, кроме нашего сада под Москвой с папиным жасмином. Но отовсюду всегда стремлюсь вернуться домой. После восьми лет жизни в Нью-Йорке можно было остаться и получить постоянный контракт, но даже мысли такой не возникло!

– **У Вас с издательством «Вече» запланирована новая серия книг. Это дань очередному юбилею Победы?**

– Серия – это уж слишком сильно сказано, но есть чем похвалиться. Мы к 65-летию Победы готовим две книги. Первую к юбилею Ялтинской конференции, где помимо статей будут опубликованы новые документы – стенограммы переговоров, фотографии из личного архива Сталина. Вторая – «Партитура-2», посвящённая войне в Азии. У меня лично договор о дополненном переиздании моей главной работы – «Россия и русские в мировой истории».

– **Хотелось бы с Вами поговорить о роли женщины в политике. В последнее время всё чаще мы видим прекрасный пол в правительстве нашей страны. Можно ли ожидать на политическом олимпе России женщину-президента?**

– Я не феминистка, считаю, что ни одно общество не может быть заинтересовано в утрате женщиной роли жены, матери. Однако вовлечение женщин во все сферы экономики, во все профессии, включая политику – это процесс необратимый даже в самых архаичных обществах. Государство должно озаботиться тем, чтобы перед женщиной не стояла дилемма – либо карьера, либо семья. Нужно делать всё, чтобы это можно было сочетать, если есть талант, стремление, способности, энергия к овладению профессией. Но я всегда относилась скептически ко всем «гендерным подходам».

Считаю, что быть женщиной-политиком трудно в нашем обществе. Нужно дольше обращать на себя внимание, ждать, чтобы тебя заметили и восприняли всерьёз, хотя меня никто никогда не притеснял. Женщина-

политик – это обязательно некий образ в подсознании – либо загадочная прекрасная дама, либо «мать нации», либо злобная фурия, вроде Карлы дель Понте. Феномен Юлии Тимошенко, например, таков: она многих завораживала, почти как мистическая панночка, потом все обсуждали, накладка ли у неё коса, и как она носит дорожные наряды от «Louis Vuitton». Ей готовы прощать многое. Словом, есть некоторые вещи в социальной психологии, которые могут усилить образ женщины-политика, либо развенчать его.

Я считаю, что мы, безусловно, отличаемся от мужчин. У нас разная психика, женщине труднее принимать мгновенные решения, отделить главное от второстепенного. Мы остро реагируем сразу на огромное количество

...когда социум клонится к упадку духа, то мужчина и падает ниже, а удерживающая роль принадлежит женщине...

импульсов, наша чувствительность к раздражителям куда выше, чем мужская, хотя интеллект женщины такой же. Не думаю, что наше общество уже полностью созрело до женщины-президента, но уже вполне приветствует их с умными речами на экране. А ведь отечественная история, не говоря уже о русских сказках и русской литературе, наполненных великими женскими образами, имеет достаточно ярких примеров – княгиня Ольга, Евдокия Московская, императрица Екатерина II. Мало того, я считаю, что русские женщины в мире – «секретное оружие» русских. Сколько я видела западных мужчин, влюблённых в своих

русских жён и заодно в Россию, которые посещают различные русские форумы в Брюсселе и Париже!

Когда общество на подъёме, то мужчина как существо более широкого диапазона достигает больших высот, а женщина реализует то же самое на частном уровне, передаёт это детям. А когда социум клонится к упадку духа, то мужчина и падает ниже, а удерживающая роль принадлежит женщине, руководствующейся чувством материнства, ответственности не только за себя, но и за будущие поколения. Я считаю, что европейское сообщество сейчас в упадке. Европейцы думают, что их высшее достижение – это нынешняя концепция безграничной свободы и прав человека. Но они забывают, что величие Европы достигнуто не сейчас, а в тот период, когда люди

жертвовали своей жизнью за веру, отечество, честь и любовь. Тогда Европа явила миру великую культуру и великие державы. Ради свободы люди готовы были взойти на эшафот, а теперь говорят, что нет таких ценностей, ради которых можно умирать. Любой должен был бы ответить: «Честь дороже жизни!». Когда физическая жизнь станет высшей ценностью, наступит конец истории человека. Ибо человек там, где дух выше плоти! Даже малая пташка бросается на коршуна, чтобы спасти своих птенчиков. Народ, сохранивший эту заповедь, несмотря ни на что, выживет и продолжит себя как явление мировой истории и культуры. А задачи мужчины и женщины здесь абсолютно равные – сохранить и передать следующим поколениям духовное задание, нравственное целеполагание личной и национальной жизни.